

ИСТОРИОГРАФИЯ

А. А. Митрофанов

Государственный академический
университет гуманитарных
наук, Москва

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАПОЛЕОНОВСКОМ ПЬЕМОНТЕ

В конце XVIII в. Сардинское королевство имело ряд специфических черт, отличавших его от других государств Италии. Небольшое, но устойчиво развивавшееся государство, претендовавшее на роль «итальянской Пруссии», переживало период экономического кризиса, который усугубился после начала Революционных войн. Автор статьи обращается к историографии протеста пьемонтских крестьян в период Французской революции и наполеоновского господства в Италии. В последние десятилетия XX и первые десятилетия XXI веков эта тема привлекала внимание таких признанных специалистов как М. Руджеро, Р. Давико, Дж. Рикуперати, М. Броэрс, В. С. Бондарчук, Б. А. Равиола. Центральной проблемой для исследователей конца XX в. была смена экономического уклада в пьемонтской деревне, кризис системы издольщины (*mezzadria*) и внедрение капиталистических принципов в сельском хозяйстве, развитие крупной земельной аренды и функционирование локальных аграрных рынков. Именно поэтому Давико, Рикуперати, Бондарчук и Равиола склонны рассматривать социальный конфликт в пьемонтской деревне сквозь призму экономики, а не политической истории. Проблема антифранцузских крестьянских восстаний 1799 г. оказалась более сложной для исследователей. Для одних историков период наполеоновского владычества – это время экономической стагнации, утраты государственной независимости и невзгод, а для других – эпоха прогрессивного реформизма, в известной степени бывшего продолжением преобразований периода просвещенного абсолютизма середины и второй половины XVIII в. Неслучайно М. Броэрс показывает, что в эпоху Наполеона крестьянство продолжало бунтовать, процветал бандитизм, но в целом политика социального примирения и социального контроля приносила свои плоды и общество к 1814 г. ста-

ло совершенно иным. В этой концепции чрезвычайно важна была роль крестьянства, поднимавшегося на защиту церкви и короля в 1799 г. Но именно смена крестьянских настроений в 1802–1807 гг. сыграла решающую роль в достижении социального мира в этом периферийном регионе наполеоновской империи.

Ключевые слова: историография, Французская революция, Наполеон Бонапарт, Пьемонт, крестьянство, Инсордженца, антиреволюция, контрреволюция

Благодарности: Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF–2023–0003 Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории).

Цитирование: Митрофанов А. А. Новейшая историография крестьянского движения в наполеоновском Пьемонте. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-330-355> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 330-355.

Поступила в редакцию: 06.04.2023

Принята к печати: 22.05.2023

Andrey A. Mitrofanov
State Academic University
for the Humanities, Moscow

THE RECENT HISTORIOGRAPHY OF THE PEASANT MOVEMENT IN NAPOLEONIC PIEDMONT

At the end of the 18th century the Sardinian kingdom had a number of specific features that distinguished it from other Italian states. A small but steadily developing state, claiming the role of «Italian Prussia», experienced a period of economic crisis, which worsened after the outbreak of Revolutionary wars. In the article the author refers to the historiography of the protest of the Piedmont peasants during the French Revolution and Napoleonic domination in Italy. In the last decades of the 20th and the first decades of the 21st centuries, this topic attracted the attention of such historians as M. Ruggiero, R. Davico, G. Ricuperati, M. Broers, V.S. Bondarchuk, B.A. Raviola. The central problem for researchers at the

end of the 20th century was the change in the economic structure in the Piedmont countryside, the crisis of the sharecropping system (mezzadria) and the introduction of capitalist principles in agriculture, the development of large land leases and the functioning of local markets for agricultural products. That is why Davico, Ricuperati, Bondartchuk and Raviola tend to view the social conflict in the Piedmont countryside through the prism of economics rather than political history. The problem of the anti-French peasant uprisings of 1799 turned out to be more difficult for researchers. For some historians, the period of Napoleonic rule is a time of economic stagnation, loss of state independence and adversity, while for others it is an era of progressive reformism, of continuation of the transformations of the period of enlightened absolutism of the middle and second half of the 18th century. It is no coincidence that M. Broers shows that in the era of Napoleon the peasantry continued to rebel, banditry flourished, but in general the policy of social reconciliation and social control bore fruit. Society by 1814 was completely different. In this concept, the role of the peasantry, which rose to the defense of the church and the king in 1799, was extremely important. But the change in peasant sentiment in 1802-1807 played a decisive role in achieving social peace in this peripheral region of the Napoleonic Empire. Keywords: historiography, French Revolution, Napoleon Bonaparte, Piedmont, peasantry, Insorgenze, anti-revolution, counter-revolution

Acknowledgements: The study is realized in the State Academic University for the Humanities within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZNF-2023-0003 Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history).

Citation: Mitrofanov, A., (2023) Novejšaia istoriografiiia krest'ianskogo dvizheniia v napoleonovskom P'emonte [The recent historiography of the Peasant movement in Napoleonic Piedmont]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-330-355>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 330-355.

К моменту начала Итальянской кампании Бонапарта весной 1796 г. Пьемонт находился в состоянии глубокого социально-экономического кризиса. Сравнительно небольшая, даже по итальянским меркам, монархия, ослабленная потерей герцогства Савойя и графства Ницца в 1792 г., неспособна была противостоять военной мощи Франции. Скоротечная кампания 1796 г. в Пьемонте привела к заключению Парижского мирного договора 15 мая 1796 г., по условиям которого Турин признавал утраченные терри-

тории частью Франции. Так началась долгая эпопея французского военного присутствия в Пьемонте. Падение Савойской династии в декабре 1798 г. произошло не вследствие революционных событий внутри страны, а было организовано генералом Б. Жубером по указанию Директории. Местные просвещенные элиты¹, сочувствовавшие Революции, возглавили временное правительство, созданное под контролем французов. Но «Субальпийская республика» так и не была провозглашена официально: выкачивание ресурсов из Пьемонта вполне соответствовало планам парижского правительства. Тем временем в стране внедрялись республиканские институты, менялись повседневные практики, начались гонения на церковь, был проведен плебисцит о присоединении Пьемонта к Франции. В обстановке стремительного наступления русско-австрийской армии в апреле-мае 1799 г. республиканский режим в Пьемонте пал. По всей стране вспыхивали антифранцузские восстания. Кратковременная реставрация, которая продолжалась всего год, оказалась тяжелейшим временем для страны. Французская оккупация сменилась австрийской, гигантские военные расходы легли тяжким бременем на население, а потому возвращение французов в июне 1800 г. многим показалось если не благом, то хотя бы уже хорошо известным злом. На долгие 14 лет была установлена система французского господства в Пьемонте, а сама страна была присоединена к Франции уже в сентябре 1802 г.²

Как отмечает А. В. Чудинов, «...Попытки утверждения на итальянской земле “свободы, равенства и братства” *à la française*

¹ Подробнее о понятии «просвещенная элита» см.: Чудинов А. В. Просвещенная элита (из истории понятия) // ФЕ 2001. М., 2001. С. 118–125.

² Территории и политическое устройство Пьемонта были окончательно реорганизованы по французскому образцу в апреле 1801 г в соответствии с декретами Первого консула. Первым генеральным администратором Пьемонта (27-го военного округа) был назначен генерал Ж.-Б. Журдан. О периоде 1796–1802 гг. в Пьемонте см.: Бондарчук В. С. Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980; Boyer F. Carlo Bossi et l'Administration Générale du Piémont (1800–1802) // Rassegna storica del Risorgimento. 1969. № 77. P. 44–57; Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821. State Building in Piedmont. Lewiston [New-York], 1997; Davico R. «Peuple» et notables (1750–1816): essais sur l'Ancien Régime et la Révolution en Piémont. P., 1981; Cavallo G. E. La tirannia della libertà. Il Piemonte dai Savoia a Napoleone. Torino, 2016; Delpu P.-M., Riberi M. La Révolution et l'Empire (1792–1814) // Les États de Savoie, du duché à l'unité d'Italie (1416–1861). P., 2019. P. 457–513; Ricuperati G. Lo Stato sabauda nel Settecento: dal trionfo delle burocrazie alla crisi d'antico regime. Torino, 2001; Ruggiero M. La rivolta dei contadini piemontesi 1796–1802. Torino, 1974; Ruggiero M. La Carmagnola. Rivoluzione Francese in Piemonte (1796–1799). Torino, 2018; Vaccarino G. I giacobini piemontesi. 2 t. Roma, 1989.

встречали систематическое и массовое сопротивление местных жителей вплоть до самого изгнания французов из Италии в 1799 г. объединенными усилиями итальянских повстанцев, русской и австрийской армий и русско-турецкого флота. После выхода России из Второй коалиции и возвращения французов в Италию в 1800 г. массовые протесты против них продолжали вспыхивать с разной степенью интенсивности до самого падения Наполеоновской империи в 1814 г.»³

Несмотря на всю важность этих сюжетов для формирования национальной идентичности, для процессов государственного строительства в итальянских государствах, по мнению А. В. Чудинова, тема народного сопротивления французам в 1796–1814 гг., получившего в исторической литературе обобщенное название «Инсордженца» (*Insorgenze*), до сих пор недостаточно разработана в историографии, поскольку историки левого направления интересуются, прежде всего, деятельностью союзников французов – «итальянских якобинцев», тогда как «антифранцузское повстанческое движение выпадает из поля их зрения»⁴. Добавим, что и попытки представить синтез народных антифранцузских движений ни в итальянской, ни в английской историографии последних десятилетий не увенчались успехом, как об этом справедливо отмечает Анна-Мария Рао⁵. По мнению итальянской исследовательницы, «умножение исследований по этой теме все еще не сопровождается обновлением с методологической точки зрения, которое бы представляло всю контрреволюцию в Италии и охватывало всю национальную территорию и весь революционный и наполеоновский период от Итальянской кампании весны 1796 г. до краха имперской системы в 1815 г.». Этому препятствуют два основных фактора: углубление итальянских историков с 1970-х гг. в региональную специфику и трудности, связанные с хронологией и терминологией исследований. Искусственное разделение периода 1796–1814 гг. на два, с выделением «республиканского трехлетия»

³ Чудинов А. В. Народы против Французской революции // ФЕ 2016. М., 2016. С. 18–19. Об этом же свидетельствует и Эудженио ди Риенцо: *Di Rienzo E. L'«histoire de si» et l'«histoire des faits»*. Quelques perspectives de recherche à propos de l'historiographie italienne sur la période révolutionnaire, 1948-2000 // *Annales historiques de la Révolution française*. 2003. № 334. P. 119–138.

⁴ Чудинов А. В. Народы против Французской революции. С. 20.

⁵ *Rao A.-M. Les formes de la résistance anti-napoléonienne en Italie // L'administration napoléonienne en Europe: Adhésions et résistances*. Aix-en-Provence, 2008. P. 159–175. Электронный ресурс: <https://books.openedition.org/pup/6157> Дата обращения 04.02.2023 г.

1796–1799 гг. и наполеоновского периода, все еще не преодолено. К тому же итальянские, французские и английские коллеги часто ставят знак равенства между «сопротивлением», «Инсордженцей» и «контрреволюцией», что создает новые трудности методологического характера.

С нашей точки зрения, характерная для итальянской методологии регионализация этой темы, которая не позволяет синтезировать уже достигнутое, является вторичной проблемой. Фундаментальные работы М. Броэrsa как раз и служат примером такого синтеза, да и итальянские коллективные монографии продемонстрировали эффективность объединенных усилий историков⁶. Первичной же проблемой остается вопрос определений и терминов. Мы полагаем, что список понятий, которые позволяют делать широкие обобщения, довольно велик. Весьма показательна в этом отношении монография Габриеле Тури, который предлагает рассматривать события 1796–1799 гг. в Италии как череду гражданских войн⁷. Думается, что более широкое осмысление исторического процесса должно привести к унификации и принятию общих конвенциональных терминов⁸. Обобщающим понятием, которое снимает многие противоречия, является «антиреволюция». Предложенное Колином Лукасом и развитое Гвином Льюисом, оно пока не стало общепринятым, по крайней мере в случае Италии, но позволяет проводить грань между «контрреволюцией элит» и «народной контрреволюцией» подчеркивая, что «антиреволюция» включала в себя все виды и формы народных протестных движений.

⁶ *Broers M.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814 Cultural Imperialism in a European Context? Basingstoke, 2005; *Folle controrivoluzionarie: le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica.* A cura di A.-M. Rao. Roma, 1999.

⁷ *Turi G.* Guerre Civili in Italia: 1796-1799. Roma, 2019.

⁸ Обратим, например, внимание на популярность в Англии такого термина, как «народная контрреволюция», а во Франции такого термина, как «народный роялизм». *Sutherland D. M. G.* The Chouans: The Social Origins of Popular Counter-revolution in Upper Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982; *Belmonte C.* «Merde pour la République et mort aux patriotes!» La bande d'Aubagne sous le Directoire, un royalisme populaire? // *Annales historiques de la Révolution française.* 2021. № 1 (403). P. 135–159. Понятие «народного роялизма» кажется вполне применимым для объяснения беспорядков и волнений 1814–1815 гг. С. Бельмонт предлагает использовать этот термин расширительно и для периода Директории. О том, что даже в Вандее «контрреволюция» не представляли собой единого монолитного движения, свидетельствует А. Ролан-Булестро и некоторые другие статьи в специальном номере «Исторических анналов Французской революции» за 2021 г. (тема номера: «Роялизмы и роялисты в революционной Франции»): *Rolland-Boulestreau A.* Dieu et le roi en Vendée militaire (1793-1796) // *Annales historiques de la Révolution française.* 2021. № 1 (403). P. 97–117.

Но поскольку принцип конвенциональности пока не восторжествовал, нам представляется, что каждый историк использует ту терминологию, которая наилучшим образом характеризует ситуацию в его собственной исследовательской области.

На конкретных региональных примерах как раз лучше всего видно, как мирный народный протест политизировался, трансформировался в повстанческие движения и как затем этот тип социальной борьбы приобретал новые характеристики. Исследования по истории Пьемонта конца XVIII – начала XIX вв. хорошо показывают, что даже в рамках одного региона не существует общей схемы, по которой бы развивались протестные движения. В антифранцузских восстаниях 1799 г. народная ненависть была направлена одновременно и на французских завоевателей, и на их союзников – местных «патриотов», представлявших различные элиты, от сельской олигархии до отдельных представителей титулованной знати. Под политическими лозунгами актуализировались давние родовые, семейные, локальные конфликты, а также извечное противостояние городов и их сельского окружения.

Микеле Руджеро первым в историографии второй половины XX в. обратился к теме крестьянских и городских восстаний лета 1797 г. И сегодня его монография «Восстание пьемонтских крестьян в 1796–1802 гг.» (1974) активно цитируется историками. Книга Руджеро – это долгая хроника крестьянского протеста, вооруженного конфликта, но отнюдь не социально-экономический анализ ситуации в деревне.

Своей задачей Руджеро видел создание общей целостной картины крестьянского движения 1796–1802 гг. Он показывает, что июльские волнения 1797 г. имели в основе экономические причины и связаны были с социальной борьбой пьемонтского крестьянства первой половины 1790-х гг.: «Немало участников восстаний действовали чистосердечно, искренне полагая, что только так они могут облегчить то тяжелое экономическое положение, в котором оказались; во многих случаях крестьяне и их вожди восставали против глав местных администраций, королевских интендантов, спекулянтов и эксплуататоров их труда, убежденные, что король совершенно не в курсе болезненного положения в деревне»⁹. Большое внимание Руджеро уделил реакции правительства на восстания 1797 г. Он полагал, что меры, прежде всего, знаменитый коро-

⁹ *Ruggiero M. La rivolta... P. 78.*

левский эдикт 29 июля 1797 г. об отмене институтов первородства и фидеикомиссов, который гарантировал назначение на государственные должности без различия происхождения и имущественного ценза и уравнивал подданных перед законом, а также отменял исключительные права дворянства на охоту и выпас скота, мельницы, печи и т.д., были запоздалыми: «Эти реформы вызвали раздражение знати, возмутили демократов и только осложнили и так уже слишком запутанную ситуацию. Наряду с уступками и реформами, правительство не переставало занимать непримиримую позицию, реакция была бурной и свирепой – последние судороги прогнившего государства»¹⁰.

Руджеро подчеркивал, что ситуация 1797 г. была весьма далека от революционной: «... Условий для революции не было, народ, привязанный к савойским традициям, консервативный и недоверчивый, испытывал мало симпатии к французским идеям. Некоторый интерес к ним питала только буржуазия, но в целом народ, особенно сельский, оставался верен [монархии – *А.М.*]; обеспокоенный голодом и ростом цен, он с недоверием прислушивался к обещаниям французских якобинских смутьянов. Если буржуазия и могла принять заальпийские идеи, то крестьяне не могли: все они поддерживали реакцию. Оппозиция французам зародилась в деревне»¹¹.

В 1798 г. духовенство уже не испытывало тех же симпатий к республиканским идеям, что в начале французского вторжения, и возглавило недовольных, хотя епископат и продолжал официально придерживаться нейтралитета в этой ситуации. Дворяне и роялисты, несмотря на присутствие иноземной армии и полицейские меры, выказывали ненависть ко всему французскому¹². Оценки причин восстаний 1799 г. у Руджиеро достаточно хрестоматийны: «Восстание носило всеобщий характер и проистекало не только из глубоких экономических и социальных причин, но и из элементарных и широко распространенных чувств. Прежде всего, оскорбление религии серьезно отвратило многих: восстание 1799 г. стало защитой жизненного уклада против внезапного попрания обычных и древних традиций, доказательством привязанности к вере, запечатленной в народном сознании. Короче говоря, это была защита короля и религии. Во главе повстанцев мы видим духо-

¹⁰ Ibid. P. 77–78.

¹¹ Ibid. P. 89–90.

¹² Ibid. P. 91.

венство и дворянство. Для первого из двух классов, когда исчезла первоначальная симпатии к заальпийским идеям, разочарование уступило место сначала недоверию, а затем и бунту. Наконец, отмена церковных привилегий и иммунитетов, которые фанатизм Савойского дома всегда гарантировал, подавление многих религиозных орденов и отчуждение имущества, принадлежавшего церквям и религиозным конгрегациям, гражданская присяга, требуемая от духовенства и государственных служащих, в конечном итоге отдалили всех от республиканских идей, даже более восприимчивое к ним низшее духовенство»¹³.

Крестьянские отряды действовали исключительно в границах своих коммун, не приходя на помощь соседям (редкие исключения лишь подтверждали это «правило»). Французы старались любыми средствами очистить себе пути отступления из Северной Италии, что вело к кровавому подавлению восстаний. Особенно трагически сложилась судьба Нарцолле, Карманьолы, Мондови. Восстания охватили также стратегически важные долины и дороги в Ланге, Монферрато, Монрегалезе. Верными союзниками французов оставались только пьемонтские вальденсы, с оружием отстаивавшие собственную веру. Два департамента Пьемонта – Сезия и Танаро весной 1799 г. в целом оставались спокойными, здесь практически не наблюдалось повстанческой активности. В Канавезе развернули свои действия отряды Бранды Лучони, стремительно продвигавшегося по направлению к Турину¹⁴. По пути своего продвижения отряды Бранды преследовали республиканцев и устанавливали свою власть, занимались поборами и грабежами. В оценках действия этого ополчения, состоявшего из крестьян, Руджеро целиком повторял версию, изложенную еще в 1820-е гг. историком К. Боттой, известным своими республиканскими и франкофильскими воззрениями.

В этой работе Руджиеро нет анализа социального состава Христианского воинства, как нет и подробного разбора весьма скудных источников о крупном восстании в долине Аосты, начавшемся в первые дни мая 1799 г. при первых известиях о приближении русско-австрийской армии А. В. Суворова¹⁵. Пьемонтский исто-

¹³ Ibid. P. 133.

¹⁴ Ibid. P. 135-136.

¹⁵ Более подробно историю Христианского воинства Бранды Лучони Руджеро анализирует в своей книге: *Ruggiero M. L'anno del fuoco (1799). I cosacchi e La Massa cristiana in Piemonte*. Pinerolo; Torino, 1999.

рик подчеркивал, что даже в тяжелой для французов обстановке комиссар правительства Мартинэ и генерал Черизе в считанные дни и силами всего двух мобильных колонн сумели разгромить остатки восставших и казнить их предводителей, что, однако, не изменило общей ситуации и республиканцы покинули долину¹⁶. Заметим, что для пьемонтской региональной историографии середины – второй половины XX в. характерны более глубокие исследования по этому вопросу¹⁷.

К середине мая 1799 г. в состоянии восстания находились уже все провинции Пьемонта. Кровавые и чрезвычайно жестокие репрессии французов вызывали повсеместно одинаковую реакцию со стороны местного населения. Восставшие крестьяне захватывали города и уничтожали французские отряды. Восстание в Карманьоле после упорных городских боев было жестоко подавлено генералом Фрассинэ и ополчением вальденсов под командованием Дж. Марауды. Город был отдан на разграбление, а на коммуну наложена контрибуция в 60 000 лир¹⁸. Неслучайно свою последнюю работу Руджеро назвал «Карманьола. Французская революция в Пьемонте» (2018). Оценки крестьянского движения в этой итоговой работе у Руджеро остались прежними. Столкновения апреля–мая 1799 г. превратились в настоящую гражданскую войну, подчеркивает Руджеро, а их последствия долгим эхом отзывались еще на протяжении нескольких лет. Военное разорение и нищета жизни в деревне подтолкнула многих сельскохозяйственных рабочих (*giornalieri*, *braccianti*) искать лучшей судьбы в городах, главным образом, в Турине. Процесс маргинализации и пауперизации крестьянства быстро ускорился, что приводило к новым беспорядкам и формированию крупных очагов бандитизма в сельской местности и росту уголовной преступности в городах¹⁹.

Работа Валериана Семеновича Бондарчука (1980) стала в отечественной историографии первой и до сих пор единственной

¹⁶ *Ruggiero M.* La rivolta... P. 142

¹⁷ *Cuaz M.* Il ducato d'Aosta tra riforme e rivoluzione // Dal trono all'albero della libertà. Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori del Regno di Sardegna dall'antico regime all'età rivoluzionaria. Atti del Convegno (Torino, 1989). 2 t. Roma, 1991. T. 1. P. 315–324; La Valle d'Aosta. Torino, 1995; *Zanotto A.* Témoignages et documents pour l'histoire de la Vallée d'Aoste pendant la Révolution et l'Empire // Société académique, religieuse et scientifique du duché d'Aoste. Bulletin. 1965. № 42. P. 183–266.

¹⁸ *Ruggiero M.* La rivolta... P. 158.

¹⁹ *Ruggiero M.* La Carmagnola... P. 155, 165.

монографией, посвященной истории Сардинского королевства XVIII в.²⁰ Впервые вводя в научный оборот неопубликованные донесения российских дипломатов П. И. Карпова, А. М. Белосельского-Белозерского, Г. фон Штакельберга из Турина, В. С. Бондарчук подробно проанализировал состояние экономики и ход социальной борьбы в Сардинском королевстве с середины XVIII в. до начала наполеоновской эпохи, уделив особое внимание широкому крестьянскому движению (включая также Савойю и Сардинию). Первой своей задачей историк считал анализ «становления и развития капиталистического уклада в сельском хозяйстве Италии в XVIII в.»²¹. В. С. Бондарчук показал, что ухудшение положения крестьянства в Пьемонте было вызвано развитием капиталистических отношений в аграрном секторе экономики, в отличие от Савойи и Сардинии, где кризис последних десятилетий XVIII в. был обусловлен усилением их «полуфеодальной эксплуатации»²². Исследователь доказывал, что разорение и пролетаризация крестьянских масс были следствием распространения капиталистической аренды земель крупных собственников – дворян и церкви. Для советской исторической науки новым был вывод о том, что «в Пьемонте антифеодальные выступления представляли лишь один аспект, и притом не главный, социальной борьбы в деревне»²³. Гораздо более острой выглядела проблема продовольственная. Крестьяне Пьемонта, движимые идеей социальной справедливости, в 1790-е гг. восставали, требуя введения твердых цен. Сравнивая пьемонтскую ситуацию с положением в других регионах Италии, В. С. Бондарчук делал вывод о том, что антифранцузские настроения в крестьянском протесте 1796-1801 гг. не имели определяющего характера, и даже борьба против республики не была его основным лейтмотивом.

Советский историк отмечал, что характер и темпы республиканских преобразований 1799 г. еще до прихода русско-австрийских войск вызывали недовольство среди всех слоев пьемонтского общества – дворян, крестьянства, части буржуазии, которое захватило также республиканско-патриотические круги: «При всем

²⁰ Бондарчук В. С. Указ. соч. Об общей оценке концепции В. С. Бондарчука см.: Андронов И. Е. Уроки историографии. Савойское государство Раннего нового времени // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова В. П. Смирнова. СПб., 2020. С. 30–31.

²¹ Бондарчук В. С. Указ. соч. С. 3.

²² Там же. С. 230.

²³ Там же. С. 231.

различии их общественных позиций и интересов масса пьемонтцев сходилась в одном – в возмущении хозяйничаньем французов, которые вели себя в Пьемонте, как в завоеванной стране»²⁴. И все же, по мнению В. С. Бондарчука весной 1799 г. и в 1800–1801 гг. крестьянский протест «принял реакционную форму». Он особенно подчеркивал, что антифранцузские и «антиякобинские» мятежи в Пьемонте 1799 г. и восстания 1800–1801 гг. происходили в тех же провинциях, где бушевала социальная борьба в предшествующее десятилетие. Иными словами, «религиозный и монархический фанатизм» пьемонтского крестьянства историк призывал не абсолютизировать, а оценивать исходя из его социальной программы, вполне сложившейся уже к 1797 г. С тех же позиций В. С. Бондарчук предлагал рассматривать «разбойничье движение» в Пьемонте 1800–1802 гг., которое он полагал аналогичным «бандитизму», ставшему хроническим явлением на Юге Италии²⁵.

Важно подчеркнуть, что несмотря на сложности, наблюдавшиеся в отечественной науке в 1970-х – 1980-х гг., монография В. С. Бондарчука отвечала всем высоким критериям и отражала основные тенденции мировой науки. Так, одновременно с ним проблемы социальной борьбы в пьемонтской деревне на протяжении двух десятилетий исследовала специалист по экономической истории Розальба Давико. В своей монографии «“Народ” и нотабли (1750–1816): опыт о Старом порядке и Революции в Пьемонте» (1981) она рассматривала социальную, экономическую и демографическую историю Пьемонта в русле марксистской методологии и под влиянием теории экономических циклов Э. Лабрусса²⁶. Концепция Давико включает широкие обобщения, которых по понятным причинам не было у Руджеро, но во многом ее выводы перекликаются с выводами и идеями В. С. Бондарчука. Вместе с тем мы не найдем в ее работах сколь-нибудь подробного анализа конкретных событий 1796–1814 гг., происходивших на пьемонтской земле.

По мнению Давико, в Пьемонте массовая пролетаризация конца XVIII в. совпала с высоким демографическим ростом, происходившим за счет реального увеличения ресурсов. Но кризис конца XVIII и начала XIX вв. резко оборвал это восходящее движение. Давико неоднократно напоминает, что крестьянское общество

²⁴ Там же. С. 213.

²⁵ Там же. С. 234.

²⁶ Davico R. «Peuple» et notables...

Старого порядка, особенно в период войны – это временная или постоянная кочующая масса. Весь Пьемонт в XVII и XVIII веках характеризуется складыванием миграционных потоков-траекторий, постоянных или сезонных²⁷. Во время совпавших кризисов – роста цен и военно-политического поражения – конъюнктура всего периода 1797–1817 гг. «взорвала» все противоречия аграрной экономики, лежавшие в основе тупика и объясняющие задержку промышленной революции²⁸. В атмосфере наполеоновского дирижизма новый владельческий и предпринимательский класс укреплялся и занимал без всякой борьбы место рядом со старой и солидной землевладельческой аристократией, которая подтвердила свои устои во время глубоких перемен второй половины XVIII в. – роста объемов продукции аграрного сектора, роста цен, рационализации сельскохозяйственных отраслей, ориентированных на экономику прибыли.

Восходящее движение цен сильно отразилось на массе экспроприированного крестьянства, и закрепляло экономическую состоятельность сельского среднего класса. Массовая крестьянская пролетаризация объясняется, по мнению Давико, переходом на протяжении второй половины века от издольщины к аренде, но был и другой фактор, из-за чего сельская пролетаризация конца XVIII в. в корне отличалась от пауперизации начала столетия²⁹. Лишившиеся работы на производстве крестьяне в прямом смысле слова умирали от голода. Местные чиновники не скрывали от наполеоновской центральной администрации, что именно безработица является истинной причиной «политического бандитизма», локальных волнений и роста криминальной преступности.

В оценках крестьянского протеста конца века Давико предлагала отказаться от «схоластического» подхода Б. Кроче и методологии Ж. Годшо, и в поиске ответов на вопросы о сути народного движения 1790-х гг. обратиться к архивным документам периода второй французской оккупации. Она показывала, что уже в период поздней Директории сами пьемонтские якобинцы часто занимали антифранцузскую позицию, а в годы Консульства «революция»

²⁷ Davico R. Populations marginales et développement industriel: l'économie du Piémont à la fin du XVIIIe et au début du XIXe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1972. Т. 19 № 3. P. 471

²⁸ Ibid. P. 479.

²⁹ Например, в г. Раккониджи число работников шелкоткацкого производства, набравшихся среди крестьян окрестных гор, сократилось за 1795–1805 гг. с 8 тысяч человек до 1,5.

в Пьемонте происходила «сверху». Лидеры «поколения 1799 г.» не возглавляли и не могли возглавлять крестьянское движение. В то же время с лета 1799 г. в деревне начинается «анонимная подпольная война», которая продолжается в своей высшей фазе до 1805 г. Кочующие банды перемещаются из села в село, действуя на границе с Лигурийской республикой. 1799–1805 гг. были временем политической и социальной «анархии», подчеркивает Давико. Заметим, что в ее версии есть и явные противоречия. Так, опираясь на данные из других регионов Италии (Пармы, Пьяченцы, Трентино, части Ломбардии), она предположила, что период 1805–1809 гг. не был отмечен подъемом повстанческих движений в Пьемонте, тогда как после 1809 г. фиксируется новый всплеск повстанческой активности и сельских беспорядков, вызванных рекрутскими наборами и ростом численности банд дезертиров и уклонистов³⁰.

Итак, в более широком временном контексте, массовая крестьянская пролетаризация и формирование класса сельскохозяйственных подрядчиков – это факты, отмеченные уже к 1792 г. Однако, если апологеты «реформизма» при Старом порядке могли дать только запоздалые ответы на этот вызов, то власти наполеоновского периода принимали по факту свершившиеся изменения, но блокировали их в тех районах и отраслях, где они еще не произошли, с запуском в оборот новых объемов земельной собственности. То есть Давико утверждала, что в Пьемонте определенно имела место «буржуазная революция», но не произошло «ни экономической, ни аграрной революции». Экономические процессы в 1799–1814 гг. были приостановлены или стабилизированы, формировались социальные основы «наполеоновского режима», то есть была создана широкая среда малых и средних собственников, составлявших фундаментальную основу сельскохозяйственной жизни последующих десятилетий XIX в.³¹

Монография Р. Давико была последней крупной работой по истории крестьянского движения в Пьемонте конца XVIII – начала XIX вв., подготовленной в рамках марксистской методологии. В дальнейшем исследователи разрабатывали эту тему уже в русле истории политической, чему способствовали как перемены в общественном сознании, так и поиски новой исследовательской парадиг-

³⁰ Davico R. «Peuple» et notables... P. 95-115; См. также. Davico R. Prix et conjoncture: la «période» napoléonienne en Piémont. Quelques réflexions au sujet d'une crise // Revue Historique. 1972. Т. 248. Fasc. 1 (503). P. 28–30.

³¹ Davico R. «Peuple» et notables... ; Davico R. Prix et conjoncture... P. 32.

мы, в которой было бы возможно получить ответы на принципиально важные вопросы для итальянской исторической памяти о связи крестьянского протеста 1790-х гг. с идейными истоками Рисорджименто. Одним из стимулов к этим поискам, если не самым важным, стал двухвековой юбилей событий 1796–1799 гг., который был отмечен оживленными дискуссиями в итальянской научной сфере.

Нельзя обойти вниманием и еще один важный аспект, который изучали итальянские историки. В 1980 г. вышло первое и до сих пор единственное специальное исследование о земельном вопросе в Пьемонте наполеоновской эпохи. Его автор Паола Нотарио убедительно показала, что практика конфискации недвижимости началась в Савойской монархии еще за несколько десятилетий до Французской революции. Присвоение земли государством, особенно церковных земель, практиковалось для восполнения хронического дефицита королевской казны. Аналогичная практика в 1799 г., таким образом, по мнению Нотарио, не была «изобретением» пьемонтских революционеров. При Наполеоне конфискации продолжились, хотя и в совершенно в ином политическом контексте. Таким образом пополнялся бюджет и оплачивались старые долги, идеологические причины имели весьма второстепенное значение. Девять законов, изданных между 1799 и 1810 гг., которые регулировали продажу земли, Нотарио подробно анализирует и показывает, что одни из этих законодательных актов исполнялись хорошо, другие же оставались по большей части на бумаге. Наибольшие результаты наполеоновская политика принесла в период 1800–1804 гг. Но в последующие годы французского господства в Пьемонте успех уже не был столь явным. Что еще более важно, Нотарио продемонстрировала, что число покупателей «национальных имуществ» в наполеоновском Пьемонте было на удивление невелико и составляло всего 0,2% от общего числа жителей региона. При этом покупателями были люди весьма далекие от революционной идеологии – в основном дворяне, профессиональные скупщики-финансисты и другие лица, уже обладавшие землями сельскохозяйственного назначения³².

Иными словами, пьемонтское крестьянство при Наполеоне в большинстве своем не получило ощутимых выгод от распродажи

³² *Notario P.* La vendita dei beni nazionali in Piemonte nel periodo napoleonico 1800–1814. Milano, 1980. Оценку труда Нотарио см.: *Brown B. F.* La vendita dei beni nazionali in Piemonte nel periodo napoleonico, 1800–1814 by Paola Notario // *The American Historical Review.* 1982. Vol. 87. Issue. 2. P. 489-490.

конфискованных церковных земель, полагает Нотарио. Однако вопрос о корреляции между вспышками народного протеста и темпами распродажи «национальных имуществ» ею не был рассмотрен.

Труды Джузеппе Рикуперати по истории савойского абсолютизма уже долгие годы служат важным ориентиром для современной европейской историографии. Тем более ценны его работы о пьемонтском крестьянстве³³. Методология Рикуперати в корне отличается от методологии Р. Давико, М. Руджеро и даже признанного мэтра политической истории Пьемонта Джорджо Ваккарино³⁴. Его картина истории крестьянского протеста построена на превосходном знании туринского и пьемонтских коммунальных архивов, она гораздо более сбалансирована и нюансирована, хотя он и ограничивает хронологию своих исследований лишь годом падения Савойской монархии (1798).

Дж. Рикуперати показывает, что уже в 1792 г. крестьяне видели в дворянах и крупных землевладельцах своих врагов, полагая, что король должен восстановить справедливость и обуздать этих «хищных волков». Крестьяне высказывали надежду, что у монарха хватит мужества порвать с дворянами, которые даже неспособны его защитить от французов³⁵. И напротив, отмечает Рикуперати, осведомители из захваченной французами Ниццы сообщали, что население, за исключением государственных служащих, не только осталось верно королю Савойи, но ждало только сигнала и оружия для восстания³⁶.

Рикуперати подчеркивает, что в широком республиканском заговоре 1794 г. (так называемый заговор Жюно-Шантеля) ремес-

³³ *Ricuperati G.* Lo Stato sabauda nel Settecento... P. 278–291, 339–376.

³⁴ *Vaccarino G.* I giacobini piemontesi. 2 t. Roma, 1989.

³⁵ Здесь мы видим явное указание на то, как воспринимали широкие слои населения Сардинского королевства потерю Савойи и Ниццы в 1792 г. Подробнее о завоевании Савойи и Ниццы см.: *Митрофанов А. А.* Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // ФЕ 2018. М., 2018. С. 78–92; *Delpu P.-M., Riberi M.* Op. cit; *Nicolas J.* La Revolution Française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. 1789–1799. Toulouse, 1989.

³⁶ О барбэ Приморских Альп см.: *Iafelice M.* Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792-1814. Nice, 1998; *Prenant P.* La bourse ou la vie! Le brigandage et sa répression dans le pays niçois et en Provence orientale (XVIIIe – XIXe siècles). Nice, 2011; *Митрофанов А. А.* Движение барбэ в эпоху Французской революции: крестьяне, контрреволюционеры, бандиты? // ЭНОЖ «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015439-1-1/> Дата обращения: 11.01.2022 г.; *Он же.* Повстанческое движение барбэ в Приморских Альпах и французские роялисты в 1800 г. // ФЕ 2022. М., 2022. С. 118–137; *Он же.* Борьба с повстанческим движением в Приморских Альпах и создание системы социального контроля в эпоху Наполеона // ЭНОЖ «История». 2023. Том 14. Выпуск 1 (123). URL: <https://history.jes.su/s207987840023937-9-1/> Дата обращения: 01.02.2023 г.

ленники и крестьяне не принимали участия³⁷. Крестьянство не выказало никакой поддержки и эфемерной республике Альба в мае 1796 г. А вот городские и крестьянские восстания июля 1797 г. потрясли всё пьемонтское общество. Движущей силой этих восстаний были голод, рост цен, страх перед тем, что вся собранная пшеница будет отправлена для снабжения далекого Турина. Следом за селами равнин восстали и деревни в предгорьях, которые требовали продажи продовольствия по фиксированным ценам. Местные республиканцы не имели отношения к этим восстаниям. Рикуперати приводит пример коммуны Фоссано, откуда восстание началось. Ни минуты республиканцы (он использует термин *giacobini*) здесь не контролировали ситуацию, а местная буржуазия только использовала гнев городских низов и крестьянства, чтобы уничтожить традиционные привилегии дворянства. Восстания сопровождались грабежами домов знати, буржуа и даже некоторых монастырей. Среди требований восставших фигурировали отмена церковной десятины и исключительных прав сеньоров на помол муки, свобода рыбной ловли и охоты, таксация цен на зерно, рис и кукурузу, а также распределение табака хорошего качества. Аналогичным образом развивалось восстание в Савильяно, но в Ракониджи оно приняло совсем иной оборот. Здесь в рядах восставших было больше ремесленников, чем крестьян и среди их лидеров оказался местный франкофил и убежденный сторонник революционных идей Дж. Говеан. В ходе восстания в Салуццо было даже создано местное ополчение во главе с еще одним таким же «революционером» К. Галло. И, наконец, самой сложной ситуация была в г. Асти, где в результате восстания была провозглашена республика и даже имела место попытка создать собственную армию.

В итоге, полагает Рикуперати, можно выделить два важнейших фактора, которые позволили в 1797 г. Савойской монархии сохраниться. Во-первых, французская Директория, проявляла равнодушие, если даже не враждебность по отношению к восставшим. Во-вторых, после спада восстания местные элиты – приходские священники, мэры, судьи и нотабли – собрались в местных советах, чтобы восстановить основные функции государства. Но они вынуждены были пойти и навстречу требованиям крестьян: цена на зерно была временно зафиксирована на уровне 4,1 лир за эмину³⁸.

³⁷ *Ricuperati G. Lo Stato sabauda nel Settecento...* P. 302–306.

³⁸ Эмина – мера объема сыпучих тел в Пьемонте в 23,055 литра.

Контроль государства был восстановлен в малых и средних коммунах благодаря местным элитам, а не по причине эффективного вмешательства центрального правительства, заключает Рикуперати³⁹.

Выводы Рикуперати получили уточнение и развитие в работе Аличе Равиолы, которая показала, что города Альба, Алессандрия, Казале и Тортона вовсе не участвовали в восстаниях против дороговизны июля 1797 г. Но это было только видимостью спокойствия, полагает Равиола. Государство находилось в агонии и не могло привести в порядок свой механизм управления, как не смогло и приспособиться к резкому изменению в международной ситуации. «Судорожная динамичность» пьемонтского общества в этих условиях определялась резким усилением репрессивной политики в центре и ослаблением ее на периферии, замечает итальянская исследовательница. Если в малых коммунах судьи и префекты играли центральную роль, то есть способны были остановить волны коллективного насилия, то им недоставало средств, чтобы сделать то же самое в масштабе всего государства. Центральное же правительство, сосредоточив все свое внимание на потенциальных очагах политического протеста в Турине и крупных городах, недооценивало опасность голода и страха перед ним, которые служили основной предпосылкой революционных потрясений 1797 года⁴⁰.

Таким образом Рикуперати видел причины и характер социального конфликта в дореволюционном пьемонтском обществе конца 1790-х гг. Требования крестьян и ремесленников носили сугубо экономический характер, а восстания развивались стихийно. Политические лозунги почти не были слышны, хотя в некоторых случаях революционные призывы местных республиканцев возымели свое действие. И все же заметим, что туринские и коммунальные архивы, которыми пользуется Рикуперати, имеют определенные лакуны, тогда как донесения дипломатов других стран помогают существенно их восполнить. На это указывали, к примеру, Дж. П. Романьяни, Дж. Ваккарино и П. Каццола⁴¹.

³⁹ *Ricuperati G.* The changing Image of «The People» in Italian spaces from the crisis of the Ancien Règime to the Revolution. (1989) Электронный ресурс: <https://ir.vanderbilt.edu/handle/1803/7175> Дата обращения 03.05.2023.

⁴⁰ *Raviola B. A.* Le rivolte del luglio 1797 nel Piemonte meridionale // *Studi Storici*. 1998. № 2. P. 401–447.

⁴¹ *Romagnani G. P.* Il Piemonte nella corrispondenza diplomatica francese (1780-1798) // Dal trono all'albero della libertà. Т. 2. P. 733–764; *Vaccarino G.* I giacobini piemontesi visti dalla diplomazia austriaca e britannica // *Ibid.* P. 765–782; *Cazzola P.* Les «dépêches» a Pietroburgo del Principe Belosel'skij ambasciatore russo alla corte di Torino nel 1792–93 // *Ibid.* P. 783–806.

Интерес Майкла Броэrsa, ученика и последователя Ричарда Кобба, к наполеоновскому Пьемонту продиктован иными мотивами, нежели у Давико, Рикуперати, Бондарчука и Руджеро. В центре его внимания находится история становления административных, судебных, полицейских институтов на имперской периферии 1800–1814 гг. Такой исследовательский ракурс предопределяет и особое внимание Броэrsa к истории политических элит. Именно эти аспекты волнуют его более всего, но он исследует их не изолированно, а в контексте глубоких социальных и политических изменений с 1770-х до 1820-х гг. Пьемонт для Броэrsa – это часть большого Средиземноморского мира, и поэтому во всех исследованиях британского историка заметны прямые параллели между итальянскими, испанскими, балканскими и австрийскими сюжетами истории антифранцузского сопротивления⁴². Такая широта охвата материала предопределена тем, что М. Броэрс работает на стыке разных методологий и предлагает собственную оригинальную научную терминологию, подчеркивающую специфику пьемонтского общества XVIII в.: «идальго», «мандарины», «местническая контрреволюция», «феодальный капитализм».

Ряд глав монографии о «наполеоновском империализме» в Пьемонте (1997) Броэрс посвящает истории крестьянства и аграрной экономики. Наибольшие изменения в экономике и обществе низинных районов Пьемонта были связаны с внедрением риса и кукурузы в XVIII в., главными стимулами чего были рост цен на зерновые культуры и рост населения. Традиционная экономика равнин с системой издольщины (*mezzadria*) разрушалась, как и столетием ранее в Ломбардии: «Рост народонаселения означал, с одной стороны, формирование сельского пролетариата, предложение дешевой рабочей силы и, следовательно, почти постоянной заработной платы, а с другой – также неуклонный рост товарных цен, наряду с техническим прогрессом и концентрацией капитала», – подчеркивает Броэрс⁴³. «В то время как латифундия рисовых полей доминировала в восточном Пьемонте, а изолированное натуральное сельское хозяйство сохранялось на альпийском севере, южные и юго-западные провинции становились зоной конфронтации, где традиционные и обновленные сообщества и экономики сосуществовали в непосредственной близости, но редко

⁴² *Broers M. Napoleon's Other War. Bandits, rebels and their pursuers in the age of revolutions. Oxford, 2010.*

⁴³ *Broers M. Napoleonic Imperialism... P. 107.*

пересекались, несмотря на их взаимозависимость»⁴⁴. На протяжении века зависимость горных долин от зерна из равнинных районов не уменьшалась, а контроль монополистов (латифундистов) зернового производства за атомизированными локальными рынками к концу века усилился⁴⁵. Радикальные изменения конца века были связаны с быстрым внедрением капиталистических начал в систему аграрного производства, заключает английский историк.

Броэрс отмечает, что волнения крестьян были обычным явлением для Пьемонта на протяжении XVIII в., и цикл восстаний 1790-х гг. стал только их новой фазой. Хотя традиционные бунты и оказались включены в контекст революционного периода и политической борьбы, они никуда не исчезли⁴⁶. Броэрс фиксирует два типа беспорядков, которые были относительно новыми для Пьемонта 1790-х гг. Одним из них были связаны с заменой системы издольщины системой крупной аренды. Вторые порождались усилением взаимной ненависти в муниципальной жизни, то есть обострением местного соперничества в среде провинциальных элит⁴⁷. Поэтому для низинных районов был характерен именно криминальный бандитизм, а для горных – коллективное открытое сопротивление крестьянских масс, что делало там ситуацию похожей на положение в Испании после 1808 г.

Такие трансформации народного протеста были тесно связаны с распадом в сельской местности старинных основ социальных взаимоотношений, подчеркивает Броэрс. Сила традиционных связей между патроном и клиентом подверглась суровым испытаниям в течение «республиканского трехлетия», но произошло это не в результате политической борьбы, а стало следствием глубоких изменений в сельской жизни, произошедших к концу XVIII в. Муниципальная жизнь развивалась относительно независимо от контроля центра, но утверждение нового образца экономических отношений существенно ослабило контроль элит над ситуацией в деревне⁴⁸.

Восстаниям 1799 г., которые по мнению Броэrsa имели отчетливо антифранцузский и антиякобинский характер, уделяется особое внимание. Там, где заключался альянс между местной знатью и населением, пусть даже в незначительном или локальном

⁴⁴ Ibid. P. 109.

⁴⁵ Ibid. P. 110.

⁴⁶ Ibid. P. 119.

⁴⁷ Ibid. P. 140.

⁴⁸ Ibid. P. 147.

масштабе, «результаты были поразительными». «Трудно сказать, насколько интересы местных нотаблей совпадали с интересами крестьянства, но желание бороться с французами и патриотами преобладало над всем остальным», замечает Броэрс. В 1799 г. участие нотаблей придало восстаниям направленность и согласованность, «обратив таким образом естественное бунтарство сельского Пьемонта – и особенно Юга – против французов»⁴⁹. И хотя южные провинции не поднялись в массовом порядке в 1800 г., как это произошло годом ранее, значительные, пусть и локализованные, крестьянские волнения продолжались до 1801 г. Примером этого Броэрс называет восстание в долине Аосты в январе 1801 г., завершившееся ожесточенной осадой г. Ивреа.

Союз между роялистской частью провинциальной элиты и массами, длился в Пьемонте дольше, чем где-либо еще в Италии, но этот «хрупкий» союз распался после Маренго, заключает Броэрс⁵⁰. Последним следом его в период Консульства оставалось влияние приходского духовенства на крестьянские массы. Эта проблема характерна и для других государств Италии. Например, в Тоскане, потеряв свое монопольное влияние на элиту с появлением внутри той профранцузски настроенных «патриотов», церковь обратилась к массам, пытаясь создать новую основу для своей поддержки в обществе. «Патриотическое» же движение потерпело неудачу не только потому, что его социальные цели были элитарными и противоречили народным чаяниям, но и вследствие усиления церкви. Роль дворянства в антифранцузском народном сопротивлении на нисходящей фазе была невелика, но зато все еще велика оставалась роль духовенства (в конце 1790-х гг. во всем Пьемонте насчитывалось около 11 000 приходских священников). Вместе с тем связь между массами и светскими антиякобински настроенными нотаблями слабела, что позволило французам в дальнейшем примирить враждующие группировки внутри пьемонтской элиты⁵¹.

Сохранение традиционных для Пьемонта форм бандитизма после 1800 г., полагает английский историк, может указывать на то, что продолжал существовать довоенный социальный антагонизм. Но этот факт не был осознан ни «патриотами», ни французами, что не давало им возможности формировать эффективную соци-

⁴⁹ Ibid. P. 210.

⁵⁰ Ibid. P. 221–222.

⁵¹ Ibid. P. 228.

альную политику⁵². Отдельные нападения на должностных лиц в 1801 г. будоражили население, но не стимулировали его подниматься на поиски убийц. Эта специфическая вендетта была изолированным явлением. Наибольшее беспокойство властей в 1800–1814 гг. вызывали уже разбойные нападения на представителей закона, муниципальных чиновников, покупателей «национальных имуществ», общественные и почтовые экипажи, а также контрабанда отдельных видов товаров. И если в городских условиях преступления раскрывать удавалось силами полиции, то в аграрные районы для поимки подозреваемых направлялись отряды армии и национальной гвардии при поддержке жандармов. Французы в этом отношении действовали сначала спорадически, но постепенно вырабатывался и общий механизм противодействия бандитизму. Заметных успехов на этом поприще наполеоновская администрация добилась не ранее 1807–1808 гг. Но еще более важным фактором было изменение отношения местных элит и сельских олигархий к преступникам. В период между 1802 и 1807 гг. от молчаливой поддержки бандитов они перешли к сотрудничеству с новой властью. Такая перемена в настроениях сельского общества сыграла решающую роль в успехе новой системы социального контроля в данном регионе империи, подчеркивает М. Броэрс.

Поиски новых подходов к изучению истории наполеоновского Пьемонта ведутся историками разных стран в русле «новой имперской истории», исследований по истории права, административных, судебных, полицейских институтов и международных отношений. Можно уверенно сказать, что с начала 2000-х гг. наши представления об этих сферах жизни пьемонтского общества того времени существенно расширились, хотя проблеме крестьянского движения в коллективных трудах и уделяется недостаточное внимание⁵³.

Таким образом, в историографии истории крестьянского протестного движения в Пьемонте рубежа XVIII–XIX вв. мы наблюдаем в последнее время стремление к историческому синтезу. Смена методологических концепций, произошедшая в 1990-е гг., позволяет вписать этот, в общем-то, частный сюжет итальянской истории в широкий

⁵² Ibid. P. 222–223.

⁵³ Итогом двух международных конференций 1989–1990 гг. стала публикация двух коллективных трудов: *All'ombra dell'aquila imperiale: Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori sabaudi in età napoleonica (1802–1814)*. Atti del Convegno (Torino, 1990). 2 t. Roma, 1994; *Dal trono all'albero della libertà...* Т. 1–2. Примеры новой интерпретации истории Савойского государства см.: *Bianchi P., Merlotti A. Storia degli Stati sabaudi (1416–1848)*. Torino, 2017; *Les États de Savoie, du duché à l'unité d'Italie (1416–1861)*. P., 2019.

контекст истории революционной и наполеоновской эпохи большого Средиземноморья. Вместе с тем, естественным образом сохраняются и национальные особенности историописания. Для итальянских исследователей пьемонтский пример совершенно исключителен, для французских и английских служит только наглядным подтверждением общих тенденций, наблюдавшихся в южной Франции, Испании, Италии. И тем не менее надо заметить, что ряд проблем в истории крестьянского протеста той эпохи остается предметом дискуссий, что делает необходимым новое обращение к этой важной теме.

REFERENCES

- Андронов И. Е.* Уроки историографии. Савойское государство Раннего нового времени // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова В. П. Смирнова. СПб., 2020. С. 18–32 [Andronov I. E. Uroki istoriografii. Savoiskoe gosudarstvo Rannego novogo vremeni // Ocherki po istorii stran evropeiskogo Sredizemnomor'ia. K iubileiu zasluzhennogo professora MGU im. M. V. Lomonosova V. P. Smirnova. Saint-Petersburg, 2020. S. 18–32].
- Бондарчук В. С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980 [Bondarchuk V.S. Ital'ianskoe krest'ianstvo v XVIII v. Agrarnye otnosheniia i sotsial'noe dvizhenie v Sardinskom korolevstve. Moscow, 1980].
- Митрофанов А. А.* Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 78–92 [Mitrofanov A. A. Miatezhnaia Savoïia: ot «velikoï fermentatsii» do frantsuzskoi okkupatsii. 1791–1792 gg. Po materialam AVPRI // Frantsuzskii ezhegodnik 2018: Mezhkul'turnye kontakty v period inostrannoï okkupatsii. Moscow, 2018. S. 78–92].
- Митрофанов А. А.* Движение барбэ в эпоху Французской революции: крестьяне, контрреволюционеры, бандиты? // ЭНОЖ «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015439-1-1/> Дата обращения: 11.01.2022 г. [Mitrofanov A. A. Dvizhenie barbè v èpokhu Frantsuzskoi revoliutsii: krest'iane, kontrrevoliutsionery, bandity? // ÈNOZH «Istoriia». 2021. T. 12. Vyp. 7 (105)].
- Митрофанов А. А.* Повстанческое движение барбэ в Приморских Альпах и французские роялисты в 1800 г. // Французский ежегодник. 2022.

- М., 2022. С. 118–137 [Mitrofanov A. A. Povstanchesкое dvizhenie barbè v Primorskikh Al'pakh i frantsuzskie roialisty v 1800 g. // Frantsuzskii ezhegodnik. 2022. Moscow, 2022. S. 118–137].
- Митрофанов А. А.* Борьба с повстанческим движением в Приморских Альпах и создание системы социального контроля в эпоху Наполеона // ЭНОЖ «История». 2023. Том 14. Вып. 1 (123). URL: <https://history.jes.su/s207987840023937-9-1/> Дата обращения: 01.02.2023 г. [Mitrofanov A. A. Bor'ba s povstancheskim dvizheniem v Primorskikh Al'pakh i sozдание sistemy sotsial'nogo kontrolya v èpokhu Napoleona // ÈNOZH «Istoriia». 2023. Tom 14. Vyp. 1 (123)].
- Чудинов А. В.* Народы против Французской революции // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 5–35 [Tchoudinov A. V. Narody protiv Frantsuzskoi revoliutsii // Frantsuzskii ezhegodnik 2016: Protestnye dvizheniia v èpokhu Frantsuzskoi revoliutsii i Pervoï imperii. Moscow, 2016. S. 5–35].
- Чудинов А. В.* Просвещенная элита (из истории понятия) // Французский ежегодник. 2001. М., 2001. С. 118–125 [Tchoudinov A. V. Prosveshchennaia èlita (iz istorii poniatii) // Frantsuzskii ezhegodnik. 2001. Moscow, 2001. S. 118–125].
- All'ombra dell'aquila imperiale: Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori sabaudi in età napoleonica (1802-1814). Atti del Convegno (Torino, 1990). 2 t. Roma, 1994.
- Belmonte C.* «Merde pour la République et mort aux patriotes!» La bande d'Aubagne sous le Directoire, un royalisme populaire? // Annales historiques de la Révolution française. 2021. № 1 (403). P. 135–159.
- Bianchi P., Merlotti A.* Storia degli Stati sabaudi (1416-1848). Torino, 2017.
- Boyer F.* Carlo Bossi et l'Administration Générale du Piémont (1800–1802) // Rassegna storica del Risorgimento. 1969. № 77. P. 44–57.
- Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821. State Building in Piedmont. Lewiston (New-York), 1997.
- Broers M.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814. Cultural Imperialism in a European Context? Basingstoke, 2005.
- Broers M.* Napoleon's Other War. Bandits, rebels and their pursuers in the age of revolutions. Oxford, 2010.
- Brown B. F.* La vendita dei beni nazionali in Piemonte nel periodo napoleonico, 1800-1814 by Paola Notario // The American Historical Review. 1982. Vol. 87. Issue. 2. P. 489–490.
- Cavallo G. E.* La tirannia della libertà. Il Piemonte dai Savoia a Napoleone. Torino, 2016.

- Cazzola P.* Les «dépêches» a Pietroburgo del Principe Belosel'skij ambasciatore russo alla corte di Torino nel 1792-93 // Dal trono all'albero della libertà... T. 2. P. 783–806.
- Cuaz M.* Il ducato d'Aosta tra riforme e rivoluzione // Dal trono all'albero della libertà. Roma, 1991. T. 1. P. 315–324.
- Dal trono all'albero della libertà. Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori del Regno di Sardegna dall'antico regime all'età rivoluzionaria. Atti del Convegno (Torino, 1989). 2 t. Roma, 1991.
- Davico R.* Populations marginales et développement industriel: l'économie du Piémont à la fin du XVIIIe et au début du XIXe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1972. T. 19 № 3. P. 469–497.
- Davico R.* Prix et conjoncture: la «période» napoléonienne en Piémont. Quelques réflexions au sujet d'une crise // Revue Historique. 1972. T. 248. Fasc. 1 (503). P. 25–48.
- Davico R.* «Peuple» et notables (1750–1816): essais sur l'Ancien Régime et la Révolution en Piémont. Paris, 1981.
- Delpu P.-M., Riberi M.* La Révolution et l'Empire (1792–1814) // Les États de Savoie, du duché à l'unité d'Italie (1416–1861). Paris, 2019. P. 457–513.
- Di Rienzo E.* L'«histoire de si» et l'«histoire des faits». Quelques perspectives de recherche à propos de l'historiographie italienne sur la période révolutionnaire, 1948-2000 // Annales historiques de la Révolution française, 2003. № 334. P. 119–138.
- Les États de Savoie, du duché à l'unité d'Italie (1416-1861). Paris, 2019.
- Folle controrivoluzionarie: le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica / A cura di A.-M. Rao. Roma, 1999.
- Iafelice M.* Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814. Nice, 1998.
- Nicolas J.* La Revolution Française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. 1789–1799. Toulouse, 1989.
- Notario P.* La vendita dei beni nazionali in Piemonte nel periodo napoleonico 1800–1814. Milano, 1980.
- Prenant P.* La bourse ou la vie! Le brigandage et sa répression dans le pays niçois et en Provence orientale (XVIIIe – XIXe siècles). Nice, 2011.
- Rao A.-M.* Les formes de la résistance anti-napoléonienne en Italie // L'administration napoléonienne en Europe: Adhésions et résistances. Aix-en-Provence, 2008. P. 159–175. URL: <https://books.openedition.org/pup/6157> Date of access 04.02.2023.
- Raviola B. A.* Le rivolte del luglio 1797 nel Piemonte meridionale // Studi Storici. 1998. № 2. P. 401–447.

- Ricuperati G.* The changing Image of «The People» in Italian spaces from the crisis of the Ancien Règime to the Revolution. (1989). Digital source: <https://ir.vanderbilt.edu/handle/1803/7175> Date of access: 03.05.2023.
- Ricuperati G.* Lo Stato sabauda nel Settecento: dal trionfo delle burocrazie alla crisi d'antico regime. Torino, 2001.
- Rolland-Boulestreau A.* «Dieu et le roi en Vendée militaire (1793-1796)» // *Annales historiques de la Révolution française*. 2021. № 1 (403). P. 97–117.
- Romagnani G. P.* Il Piemonte nella corrispondenza diplomatica francese (1780–1798) // *Dal trono all'albero della libertà...* T. 2. P. 733–764.
- Ruggiero M.* La rivolta dei contadini piemontesi 1796–1802. Torino, 1974.
- Ruggiero M.* L'anno del fuoco (1799). I cosacchi e La Massa cristiana in Piemonte. Pinerolo-Torino, 1999.
- Ruggiero M.* La Carmagnola. Rivoluzione Francese in Piemonte (1796–1799). Torino, 2018.
- Sutherland D. M. G.* The Chouans: The Social Origins of Popular Counter-revolution in Upper Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982.
- Turi G.* Guerre Civili in Italia: 1796–1799. Roma, 2019.
- La Valle d'Aosta / A cura di Stuart J. Woolf. Torino, 1995.
- Vaccarino G.* I giacobini piemontesi. 2 t. Roma, 1989.
- Vaccarino G.* I giacobini piemontesi visti dalla diplomazia austriaca e britannica // *Dal trono all'albero della libertà*. T. 2. P. 765–782.
- Zanotto A.* Témoignages et documents pour l'histoire de la Vallée d'Aoste pendant la Révolution et l'Empire // *Société académique, religieuse et scientifique du duché d'Aoste*. Bulletin. 1965. № 42. P. 183–266.

Митрофанов Андрей Александрович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва,
Мароновский переулок, 26
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: paxgallica@gmail.com

Andrey Mitrofanov

PhD (History), Senior Researcher
State Academic University
for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok
119049, Moscow
Senior Researcher
Institute of World History
the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave.,
119334 Moscow, Russia
e-mail: paxgallica@gmail.com
Researcher ID: J-8249-2017
ORCID 0000-0002-8480-5345
Scopus Author ID: 57221665172